

В Валпалле¹ мы наняли садовника. Его звали Сидней. Это был красавец зулус, человек с большим чувством собственного достоинства и очень нам преданный. Он родился в Кейптауне и получил хорошее воспитание. Много раз в разговорах со мной он заводил речь о своей ненависти и презрении к африканерам, и тогда я старался поскорее успокоить его. Ибо того, о чем он говорил, было вполне достаточно, чтобы его повесили.

Он обожал нашу маленькую дочку, которая все время проводила вместе с ним в саду и немало болтала по-английски. Благодаря его заботам наш сад находился в великолепном состоянии, что служило предметом зависти всех соседей. Как-то Сидней попросил на три дня отпуск, чтобы поработать на стороне. Ему обещали заплатить пять рэндов. Наш сад был в полном порядке, присутствия садовника не требовалось, и мы охотно его отпустили.

Рано утром в среду Сидней ушел. В понедельник он все еще не вернулся. Мы не знали, что и думать, предполагали даже, что, соблазнившись лучшими условиями, он оставил нас ради другого хозяина. Дни проходили, а Сиднея все не было.

Вдруг в ночь на воскресенье меня разбудил громкий лай собаки, и я услышал заглушенные стоны, доносившиеся из домика, где у нас жили негры. Я встал и осторожно направился в темноту, стараясь уловить направление звуков. Неожиданно стоны сделались отчетливее, и я смог определить, откуда они доносились. Приблизившись, я обнаружил Сиднея, лежавшего у дверей своей комнаты без сознания. Вместе с женой, которая пришла мне на помощь, мы перенесли его на кровать.

Он был в очень тяжелом состоянии. Лицо его представляло собой сплошную опухоль, левого глаза не было видно. От рубашки остались одни лохмотья, залитые кровью. Голые колени, торчавшие из разорванных брюк, кровоточили.

Мы перевязали его, как могли, напоили горячим кофе с коньяком и оставили спать. Он проснулся только на следующий день после полудня, и тогда лишь мы узнали, что же с ним произошло.

Как и было условлено, Сидней отправился в одну африканерскую семью. После того как он проработал три дня и сделал все, что от него требовали, хозяин решил заплатить ему только три рэнда, а не пять, как было договорено, так как нашел, что эта сумма вполне достаточна за проделанную Сиднеем работу.

Сидней вежливо попросил заплатить то, что ему причиталось, но хозяин грубо оборвал его. Сидней настаивал, но безрезультатно и наконец заявил, что не уйдет, пока не получит все сполна.

Тогда африканер позвал своих двух соседей. Втроем они затолкали Сиднея в багажник большой американской машины и отвезли километров за двадцать от города, на отдаленное шоссе. Там они вытащили его из машины и начали избивать. Сидней попытался защищаться, но

силы были слишком неравны. Избиение продолжалось. Двое крепко держали Сиднея, а третий наносил ему удары до тех пор, пока совершенно не выбился из сил. Истязатели бросили беднягу без сознания и укатили прочь.

Наутро на Сиднея наткнулся полицейский патруль. Он подобрал его и доставил в отделение. Сержант, едва взглянув на него, потребовал пропуск.

— Ах, у него нет пропуска! Не иначе, он уже что-нибудь украл в Претории.— И с этими словами сержант наотмашь ударил Сиднея.— Ну ничего, сейчас мы все устроим! Сидись!

Сидней подчинился, но как только он коснулся сиденья, другой полицейский выбыл из-под него стул и начал топтать беднягу ногами.

— Они наглеют на глазах. Они уже позволяют себе сидеть в присутствии белых. Сейчас мы тебя научим, как надо себя вести, мой милый!

Сидней попытался закрыть руками лицо. Тогда на помощь пришел третий негодяй.

— Вот как! Они замышляют мятеж, даже поднимают руку на полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей. Ну подожди же!..

В этом полицейском отделении Сидней оставался более недели, и каждый день спектакль начинался сызнова. Когда он не хотел садиться, его избивали за непослушание, когда он садился, его били за дерзость. Наконец в субботу, во второй половине дня, его решили перевезти в центральную тюрьму. Зверски избив на прощанье, Сиднея швырнули в полицейскую машину. По дороге он пришел в себя и выпрыгнул из машины, несшейся со скоростью 80 километров в час. После этого весь вечер и почти всю ночь Сидней полз на коленях и наконец совершенно без сил добрался до своей комнаты.

Мы решили, что для него слишком опасно оставаться в Претории, где он рисковал получить за побег 10 лет тюрьмы или даже больше. Поэтому я решил отвезти его в район — примерно в 60 километрах от Претории.— где жили люди из его племени, и там оставить.

АПАРТХЕЙД

Дождавшись темноты, я спрятал Сиднея в багажнике машины и отправился в дорогу. Неожиданно километрах в пятнадцати от Претории я накнулся на заградительный полицейский пост. Осматривая машину, молодой полицейский заметил Сиднея. «Это что здесь такое?» — спросил он.

Меня спасла только находчивость: «Ах, эхот, он мне доставил сегодня столько хлопот. Он свалился с помоста, но у меня до сих пор не было времени им заняться, а сейчас я порчу себе вечер из-за этой обезьяны».

Полицейский дружески хлопнул меня по плечу: «Сочувствую, друг, но не теряй времени».

¹ Дэнисл Вир — канадский журналист, несколько лет проживший в ЮАР. Очерк опубликован в сенегальском еженедельнике «Юните африкэн».

¹ Валпалл — район Претории.

Я не стал медлить и уехал со скоростью, какую только могла развить моя машина.

Через час Сидней был в безопасности, среди своих, а я... я испытал вздох облегчения.

* * *

Однажды под вечер я возвращался из города, следуя на приличном расстоянии за длинной американской машиной, которая на большой скорости направлялась к Ватерклуфу. Это фешенебельный квартал Претории. Здесь при каждом доме есть свой собственный бассейн и часто даже теннисный корт. Шел дождь, дорога была скользкая, и я, естественно, замедлил ход. Передняя машина по-прежнему шла, не сбавляя скорости. Вдруг я увидел, как у нее вспыхнул сигнал «стоп», она резко осела на задние колеса. Я затормозил и, подъехав поближе, увидел, как из открытой двери машины выскочил водитель и бросился к радиатору. Вглядевшись, я увидел, что перед машиной корчился от боли сбитый негр-велосипедист. Водитель подошел к нему, дал пощечину, и по его жестам я понял, что он всячески ругал беднягу. В заключение он дал ему еще и пинка.

Я поспешил к месту происшествия.

— Что случилось? — спросил я.

Раненый повернулся ко мне и начал:

— Я, господин, ехал...

— Замолчи и не начинай снова свою ложь, а то я тебе...

Я не дал продолжать водителю машины — высокому блондину с красным лицом, который, как мне показалось, нетвердо держался на ногах.

— Хорошо, хорошо... Но вы же видите, он ранен, позвоните в медпункт... — Я старался по мере возможности его утихомирить.

— Мне звонить в медпункт! Да я его здесь «вылечу». Зачем ему нужно было соваться со своим велосипедом... — И он снова повернулся к раненому.

Мне пришлось почти силой удерживать его.

— Что здесь происходит? — На место проис-

движения, а когда их сбивают, еще и жалуются!

— Ну конечно, они должны быть благодарны, что тип вроде этого позволяет им здесь ездить, — заметил я.

Полицейские были удивлены. Они не привыкли к возражениям.

— Послушайте, я не видел, как все это произошло, во всяком случае я не видел велосипедиста, поэтому я ни в чем не могу поклясться. Но вы заметили хотя бы то, что этот человек здорово нагрузился, — я показал на водителя, — и ему по крайней мере следовало бы ехать на такси.

— Нагрузился? Разве? — удивились полицейские.

Больше они меня ни о чем не спрашивали и отошли вместе с водителем автомобиля, обсуждая происшествие. Они поняли, что я иностранец и исключили меня из своего братства.

Раненый валялся на дороге часа полтора, пока санитарная машина «для черных» — развалина, которой давно пора было на свалку, — приехала за раненым, чтобы доставить его в больницу. Велосипед остался валяться на дороге, в кювете: его, конечно, украдут, а потерпевший не получит никакой компенсации.

* * *

Как-то раз рано утром я вымерял здание у одного крупного торговца музыкальными инструментами, чтобы подготовить план переоборудования помещений.

Вдруг я заметил, что в магазин с видом скромным и приниженным вошел негр, которого я часто встречал раньше и знал как одного из самых уважаемых людей в районе Леди Сельби. Его звали Джонатан, он был сыном вождя одного из племен мбеле, жившего в этой местности, к тому же получил хорошее воспитание в школе английских миссионеров. Его послала община, чтобы купить фисгармонию для своей маленькой церкви. Он не заметил меня и стал в сторонке, ожидая, когда дойдет очередь до него.

ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТА

ДЭНИЭЛ ВИР

шествия уже прибыл полицейский патруль. Белый водитель продолжал оскорблять черного, объясняя происшествие с примесью большой доли фантазии.

Черный хотел возразить, но никто его даже не выслушал.

Я попросил другого полицейского позвонить в медпункт.

— Об этом после, сначала надо выяснить, как было дело, — возразил он.

Я замолчал и стал слушать дальше. Полицейские так ничего и не спросили у раненого.

— Ну так, — заключил полицейский. — Все ясно. Сначала они создают угрозу безопасности

Продавцы, обслужив своих белых клиентов, упорно делали вид, будто не видят его, и занимались своими делами. В конце концов им занялся молодой продавец, новенький, недавно — меньше месяца назад — переехавший в Южную Африку из Голландии.

Для него Джонатан, сын вождя племени, был клиент, как и все остальные, или во всяком случае — почти как все остальные, а торговля всегда оставалась торговлей.

Джонатан объяснил, что ему хотелось купить, и продавец повел его по магазину, демонстрируя качество выставленных фисгармоний. Наконец Джонатан сделал выбор.

Молодой продавец, довольный успехом дела, повел Джонатана, чтобы оформить покупку, к небольшой конторке. Неожиданно именно в этот момент продавца позвали в соседнюю комнату к телефону. Он извинился перед Джонатаном и, предложив кресло, попросил его немного подождать. Джонатан поблагодарил и сел.

Другие продавцы, видевшие всю эту сцену, вскочили и бросились к нему. Бедняге дали несколько пощечин, затем схватили за шиворот и буквально выбросили из магазина.

Я быстро вышел, чтобы помочь несчастному. Он сидел на тротуаре, опустив голову на руки. Я тихо приблизился и произнес:

— Встань, Джонатан, ты не ребенок, чтобы проливать слезы на улице.

Он посмотрел на меня с отчаянием:

— Что мне скажут, когда я вернусь без фисгармонии? Люди доверили мне...

— Ты и вернешься с фисгармонией. Она в магазине, — сказал я ему, — те три негодяя не могут ее отобрать!

— Ты думаешь, господин, что я могу туда вернуться? — И он посмотрел на меня с видом побитой собаки, которую неожиданно приласкали. — Мне не нужно было садиться!

— Ты должен туда вернуться, Джонатан, ради самого себя и чтобы проучить тех негодяев!

Его глаза блеснули. Он отряхнул пыль со своего костюма и с достоинством вошел в магазин. Три продавца, которые его избили, изумленные смотрели на него. Впервые «кафр» осмелился на подобное. Вначале они хотели вновь наброситься на него, но его спокойная уверенность удержала их. Они отвернулись. Полчаса спустя мой Джонатан вышел из магазина, гордый, как персидский владыка. В кармане у него лежал выписанный чек и обязательство о доставке купленной фисгармонии.

В его глазах прыгали огоньки, Джонатан улыбался. Это была победа. Новая фисгармония будет звучать для него, как орган. Может быть, когда-нибудь она сыграет для него и его народа гимн во славу свободной жизни.

* * *

Во всех жилых зданиях в Южной Африке имеется «каретейкер» — нечто вроде консьержа, который несет ответственность за безопасность жильцов. На эту должность берут людей, пользующихся доверием, обычно бывших полицейских или военных. Они всегда имеют при себе пистолет. Получить разрешение на ношение оружия — для любого белого в Южной Африке пустая формальность.

Однажды вечером сторож такого рода совершал обход. Не заметив ничего подозрительного внутри здания, он решил осмотреть стоянку автомашин. Он осматривал ряды машин, освещая карманным фонариком каждую из них, и вдруг остановился как вкопанный, вне себя от гнева. На заднем сиденье роскошного лимузина спокойно спал одетый в лохмотья негр! Придя в себя от изумления, сторож попытался открыть дверцу, чтобы извлечь из машины дерзко о нарушителя. Однако нежелательный гость этого роскошного дворца принял меры предосторожности, заперев только две дверцы, что дало ему возможность убежать через противоположные. Спящий, проснувшись, метнулся к выходу. Сто-

рож, не имея возможности его догнать, вынул пистолет и выстрелил. Молодой парень, который ничего не украл, ничего не испортил, вся вина которого состояла в том, что он спал на мягком сидении роскошного лимузина, был убит в упор выстрелом в спину.

Один из жильцов дома, человек либеральных взглядов, видел всю эту сцену, возмущился и позвонил в полицию. Оттуда приехали только через два часа. Полицейские констатировали факт происшествия и попросили сторожа, на которого поступила жалоба, быть готовым оказаться в любой момент в распоряжении полиции и судебных властей.

Через два дня убийца был подвергнут предварительному допросу по обвинению «в убийстве по неосторожности» и оставлен на свободе под залог в 200 рэндов. Он не был в тюрьме даже и часа...

* * *

Представьте себе ферму в 15 километрах от Претории. Мрачный, одинокий дом. Хозяин фермы — громадный, сложенный, как Геркулес, мужчина, правда, расплывший. У него сын, привыкший к жестокости с детства, считающий себя в соответствии с уроками отца и фанатичными доктринами, внушенными ему в начальной школе, подлинным сверхчеловеком, знаменосцем расы господ. Единственным существом, смягчавшим нравы этой семьи, была мать, но она умерла несколько месяцев назад... На этой же ферме жила женщина для работ по дому, ей было 23 года, и она была негритянка. У этой женщины рос ребенок — мальчик четырех лет, который всюду ходил за ней и бегал, шала, по двору фермы, когда она занималась стиркой. Мать постоянно боялась за мальчика и потому решила убежать с фермы, выбрав время в конце месяца, после получения жалованья. За несколько дней до задуманного бегства ребенок, играя во дворе, сломал маленький кустик, недавно высаженный сыном хозяина. Увидев это, сын фермера бросился к мальчику и начал его избивать. Услышав отчаянные крики сына, молодая женщина прибежала и увидела, что он весь в крови. Забыв о страхе, повинувшись только материнскому инстинкту, она бросилась к истязателю, чтобы вырвать мальчика из его рук. Ничто не помогало. Вне себя женщина схватила палку и ударила сына фермера по голове. Он упал без сознания. Женщина схватила окровавленного ребенка и убежала с ним за несколько километров, на соседнюю ферму, где жили ее родственники. Там она оставила ребенка и рассказала, что произошло. Женщине посоветовали скрыться. Она согласилась, решив только зайти ночью на ферму и забрать там свои вещи — все ее достояние. Вышла она в полночь. Утром она не вернулась, и родственники ее больше не видели.

Позднее ее нашли повешенной на дереве недалеко от фермы. Полиция быстро провела следствие и пришла к заключению, что имело место... самоубийство.

Ее убили как взбесившуюся собаку. А полиция закрыла глаза, чтобы не нарушать привычно установившегося в стране «порядка», железной дисциплины...

Хозяин фермы и его сын пользуются уваже-

нием со стороны всех настоящих чистокровных африканеров, людей чрезвычайно чувствительных к попыткам посягать на их права.

* * *

Однажды после полудня человек небольшого роста, худой, болезненный, примечательный разве что блеском своих глаз, не вызывая никаких подозрений в густой толпе, вошел с чемоданом в руке в зал центрального вокзала в Иоганнесбурге. Он спокойно огляделся по сторонам и, немного подумав, направился на перрон четвертого пути, который в этот момент был почти безлюден, так как до отхода ближайшего поезда оставалось не менее часа. Там он присел на скамейку, поставив чемодан рядом. Через минуту он встал и спокойно ушел, но чемодана с ним не было.

Четверть часа спустя сильный взрыв потряс здание вокзала. Три человека были ранены, один из них — старая женщина — тяжело. В чемодане, внешне таком безобидном, была спрятана бомба замедленного действия. Правда, бомба произвела больше шума, чем разрушений, однако ее взрыв важен как выражение протеста. Событие на вокзале переполошило «Маршал сквер» (штаб полиции в ЮАР), который напоминал разворощенный муравейник. Вся полиция была поставлена на ноги. Буквально через 30 минут после взрыва были извлечены все необходимые досье, пущены в ход электронные машины, которые тут же начали выдавать информацию. Полицейские «джипы» носились по всему городу, и через четыре часа после происшествия шестеро, на которых пало подозрение, были уже под арестом. Вечером в тот же день виновник сознался, и ему было предъявлено обвинение в саботаже. Обвиняемым оказался скромный преподаватель начальной школы — англичанин по национальности — Джон Эванс, активный участник движения против апартеида и расизма. Доведенный до отчаяния бесплодностью своих усилий, а также усилий своих друзей в борьбе против расизма, он решил в одиночку устроить взрыв, чтобы привлечь внимание общественности других стран к борьбе, которую они ведут. Это был бессмысленный, бесполезный поступок, которому нет оправдания. Он мог только нанести вред движению, носившему до этого мирный характер и отрицавшему бесполезное насилие. К тому же в результате взрыва пострадали ни в чем не повинные люди.

Взрыв послужил для правительственной прессы долгожданным поводом для обвинения в бандитизме всех тех, кто выступает против расизма.

В Южной Африке имеется немало африканеров, преданных душой и телом правительству и проводимой им политике. Это полицейские, добровольные сыщики, шпионящие за соседом, задушевно беседующие с людьми, чтобы изучить их мысли и чувства, и, в свою очередь, изучаемые другими добровольными осведомителями. Эти люди образуют порочный круг, круг дьявольский, круг подозрительных, где уничтожается малейший намек на личную жизнь, где личная жизнь стерта до того, что просматривается даже частная переписка. Все полученные сведения соответствующим образом обрабатываются и регистрируются до того момента, когда их нужно будет пустить в ход «для общего блага».

*Перевел с французского
Ю. Дементьев*

Фазыл Хусню Дагларджа родился в 1914 году в Стамбуле. Впервые о поэте заговорили в 1935 году, когда он выпустил свой первый сборник. Непрерывно работающий мастер насыщенной образной философской миниатюры, ныне Фазыл Хусню Дагларджа по праву считается одним из крупнейших поэтов современной Турции.

ФАЗЫЛ ХУСНЮ ДАГЛАРДЖА

ДВИЖЕНИЕ

Похожи на меня
корабли, поезда, самолеты,
безмолвно
проходящие сквозь ночь.

ПЯТЬ НАПРАВЛЕНИЙ

Линии наших ладоней —
пять направлений:
восток, запад, север, юг —
четыре,
а пятое — ты.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Я в сердца всех поэтов
был приглашен.
В земной шар я вложил
свое сердце —
пригласил всех поэтов.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Понимать —
это путешествовать
в мире других.

РАЗДЕЛЕНИЕ

Природа в начале жизни
нас делит на мужчин и женщин.
На исходе пути мы делимся
на обманутых и обманувшихся.

ПАМЯТЬ

Каждый вечер,
ложась в постель,
ты освещаешь темноту
своими воспоминаниями.

НЕУВЕРЕННЫЙ

Калека осторожнее других.
Когда идет,
он не верит, не доверяет
Земле.

*Перевел с турецкого
Петр Вегин*